12+

ТЕНИ ФЕМИСТОКЛА

ЭХО ГОЛОСА

АЛЕКСАНДР КАЛУГИН

Александр Калугин

Тени Фемистокла: Эхо голоса

«Издательские решения»

Калугин А.

Тени Фемистокла: Эхо голоса / А. Калугин — «Издательские решения»,

2045 год. Америка разделена внутренними границами, а её порядок охраняет Фемистокл — искусственный интеллект, некогда спасший страну. Случайная запись даёт Норе надежду найти пропавшую мать живой. Вместе с Филом, верным ИИ-помощником в старом телефоне, она отправляется по её следам. Но каждая зацепка приближает её к тайне самого Фемистокла.

© Калугин А.
© Издательские решения

Содержание

Введение 6
До первого выстрела 7
Война без объявления 9
Имя спасителя 11
Цена доверия 13
Одна страна, разные приказы 15
После соглашения 17
США 2044 19
Пролог. Личная память 20
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Тени Фемистокла: Эхо голоса

Александр Калугин

© Александр Калугин, 2026

ISBN 978-5-0071-5906-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

До первого выстрела

Осенью 2029 года в маленьких городах Огайо снова ждали открытия заводов. За оградами стояли новые корпуса, у ворот висели объявления о наборе персонала. По вечерам люди в белых касках обещали в местных новостях надёжную работу. На одних предприятиях испытания шли круглые сутки. Другие месяцами ждали подключения к сети. Рабочие, успевшие пройти обучение, продолжали ездить за сорок миль на прежнее место и берегли пропуск, который им выдали для новой жизни.

За ту же электроэнергию боролись вычислительные центры. Их строили быстрее, чем линии, способные их питать. Местный совет соглашался на льготы в обмен на обещанные поступления в бюджет; затем жители узнавали, что расширение подстанции снова отложено. В тёмных залах за городом работали машины, которым поручали всё больше человеческих дел: подбирать лечение, распределять грузы, оценивать кредит, составлять документы. Человек мог за одно утро получить благодаря им хорошую новость из больницы и отказ в займе, причину которого никто не умел объяснить понятнее самого отказа.

В течение нескольких лет перемены складывались из таких противоречий. Компании сообщали о росте производительности. Молодые специалисты замечали исчезновение вакансий, с которых прежде начинали карьеру. Опытным сотрудникам приходилось отвечать за решения, на которые они всё меньше могли влиять. Секретарь успевала обработать втрое больше обращений, а посетитель всё чаще просил позвать кого-нибудь, кто вправе отступить от ответа на экране.

Начавшийся спад сделал эти обещания особенно важными. Несколько крупных компаний разорились, банки потребовали дополнительных гарантий, семьи отложили переезд. При этом жизнь сохраняла видимость устойчивости. На новоселья приносили вино, в аэропортах встречали родственников. Большинство неприятностей ещё относили к следующему кварталу, когда положение должно было улучшиться.

В январе 2029 года президентом стал Дэниел Харпер, республиканец и бывший губернатор Огайо. Он умел говорить с владельцами предприятий и рабочими так, чтобы обе стороны находили в его словах собственную правоту. После многих лет тревоги его обещание вернуть устойчивость казалось достаточно скромным, чтобы ему поверить. Харпер внимательно слушал доклады о перевозках, стоимости энергии и подготовке кадров. На совещаниях он спрашивал, когда именно начнёт работать то, о чём ему уже успели доложить как о достижении.

Зарубежная война представлялась ему угрозой всему, что он собирался восстановить. За военными расходами он видел недостроенные предприятия, семьи резервистов и обязательства, которые останутся после торжественных выступлений. Президент верил, что сильная экономика и союзники позволят удержать противника от решающего шага. В этой уверенности было столько же расчёта, сколько надежды.

По другую сторону Тихого океана тоже считали издержки.

Китай умел быстро строить, выпускать сложную технику и превращать государственное решение в работу тысяч предприятий. Но накопленные трудности всё чаще обнаруживались дома. Купленная квартира могла годами оставаться обещанием. Молодой инженер возвращался к родителям после очередного собеседования. Местные власти откладывали расходы, о которых прежде сообщали с гордостью. Рост продолжался неравномерно; семьям, на чьих доходах это почти не отражалось, всё труднее было ждать.

В руководстве спорили о восстановлении доверия, технологическом обновлении и зависимости от внешних рынков. Тайвань присутствовал в этих спорах как задача, для которой, по мнению влиятельной части руководителей, оставалось всё меньше удобного времени. Остров укреплял оборону и связи с партнёрами. За его пределами появлялись новые производства

микросхем. В Пекине опасались, что позднее военная операция станет труднее, а её международные последствия — ещё менее управляемыми.

К санкциям готовились заранее. Пополняли запасы, укрепляли внутренние расчёты, обеспечивали важные отрасли долгосрочными поставками. Руководители знали, что первые месяцы будут тяжёлыми. Они рассчитывали, что затем промышленным странам станет слишком дорого поддерживать ограничения и начнутся исключения, переговоры, возвращение к торговле. Американский президент избегал большой войны; разногласия между его партнёрами были хорошо видны. Эти обстоятельства принимали за признаки того, что противодействие можно будет переждать.

На Тайване существовали собственные партии, интересы и представления о будущем. В одних домах угрозу считали привычным фоном, в других заранее собирали документы и лекарства. Родители старались не обсуждать отъезд при детях. Директора предприятий сверяли планы эвакуации с договорами, которые требовали продолжать поставки. Жизнь острова ещё подчинялась обычному календарю, хотя в него уже были вписаны действия на случай бедствия.

Война без объявления

Весной 2030 года привычное давление стало блокадой. За ограничением судоходства последовали боевые действия. На экранах показывали дым над портами, повреждённые дороги и людей, стоявших в очередях с вещами, которые они ещё могли унести. Самолёты переставали летать раньше, чем семьи успевали решить, кто должен уехать первым.

Остров сопротивлялся. В больницах оставались сотрудники, которым было некуда эвакуировать пациентов. Местные служащие пытались сохранить водоснабжение и выдачу продовольствия. Представители избранной власти, оказавшиеся за рубежом, продолжали обращаться за помощью. Позднее семейные рассказы об этих неделях будут резко расходиться: одинаковое действие для одних означало спасение соседей, для других — сотрудничество с оккупацией. Даже после прекращения боёв эти споры останутся в домах, где прежде за одним столом обсуждали только работу и учёбу.

Китай объявил о присоединении Тайваня. Установить повседневный контроль над захваченной территорией оказалось труднее, чем произнести слова об историческом завершении. Нужны были служащие, переводчики, электрики, работающие порты и люди, согласные выполнять распоряжения новой администрации. Исчезновение прежнего флага с учреждения ещё не означало, что учреждение способно открыть двери на следующее утро.

Харпер отказался от прямой войны. На совещаниях каждый военный вариант вёл к следующему, более опасному: столкновение кораблей могло вызвать удар по базам, затем потребовать ответа на территории другого государства. Под угрозой оказывались страны, связанные с США обязательствами безопасности. Уверенности в том, где остановится эта цепь, не было ни у кого.

Президент выбрал санкции, помощь партнёрам и длительное давление. Его сторонники говорили о предотвращённой катастрофе. Противники — об оставленном острове и обещаниях, которым больше нельзя доверять. Внутри одной семьи эти слова могли произносить люди, одинаково желавшие избежать войны. В военных городках продолжали ждать приказов; родственники тайваньских эмигрантов неделями не получали сообщений.

Новое противостояние быстро назвали холодной войной. Привычное название помогало представить конфликт, у которого ещё не было понятных границ. Ограничения на торговлю, замороженные активы и закрытые программы сотрудничества затронули обе стороны. Подорожали страховка грузов, оборудование и некоторые лекарства. Производства, перенесённые из опасного региона, нуждались в годах, чтобы выйти на обещанную мощность. Избирателю, которому объясняли стратегическую необходимость ограничений, всё равно приходилось оплачивать очередной счёт.

Другие страны выбирали собственную степень участия. Одни правительства теснее связывали безопасность с Вашингтоном, другие старались сохранить торговлю с Китаем. Союзники требовали защиты и одновременно опасались лишиться важных поставок. Общее желание избежать войны не помогало договориться о распределении потерь.

Китайские запасы позволили выдержать первый удар. Но длительность ограничений оказалась важнее их первоначальной силы. Оккупация требовала денег и людей. Тайваньские заводы нуждались в специалистах, материалах и обслуживании, которое нельзя было заменить приказом. Зарубежные заказчики искали другие пути. Предприятия на материке теряли рынки, а правительство продолжало оплачивать успех, уже объявленный окончательным.

Давление через цифровые сети позволяло причинять противнику ущерб, не начиная прямого столкновения с его армией. Китай готовил к этому инструменты и кадры задолго до кризиса. Теперь обучение и автоматизированный поиск уязвимостей ускоряли действия, которые

прежде требовали длительной ручной работы. Американские службы отвечали; часть противоборства оставалась скрытой даже от министров, отвечавших за его последствия.

Поначалу граждане замечали отдельные сбои. Не проходил платёж, задерживался груз, останавливалась линия. Нарушения устраняли, работа возобновлялась. Происхождение происшествий не всегда удавалось установить с уверенностью: изношенное оборудование, ошибка сотрудника и враждебное вмешательство могли оставлять похожие следы. Власти старались не приписывать противнику каждую аварию, хотя политики всё чаще делали именно это.

В 2031—2032 годах последствия начали накладываться друг на друга. Восстановленный порт ещё ждал транспорта. Предприятие, сумевшее запустить оборудование, обнаруживало, что нужная деталь осталась у поставщика. Исправление банковской записи не возвращало небольшой компании заказ, потерянный за неделю проверки. Люди носили с собой наличные, забирали рецепты заранее и сохраняли бумажные копии документов, которые ещё недавно казались навсегда доступными.

Больницы переживали перебои, но сотрудники уже не верили графикам поставок. Диспетчеры оставались после смены, не решаясь передать непроверенные данные. Семейный разговор об отпуске заканчивался вопросом, кто заберёт детей, если опять остановятся поезда.

У США было достаточно сильных компаний, военных специалистов и исследовательских центров. Их затруднение состояло в том, что каждый видел свою часть происходящего. Сведения поступали с разной скоростью, охранялись разными ведомствами и требовали отдельных разрешений. Пока составляли общую картину, она успевала измениться. Именно эту задержку и должен был устранить Фемистокл.

Имя спасителя

Сначала это имя знали немногие. Так назывался оборонный комплекс, помогавший сохранять снабжение и работу военных предприятий. Его назвали в честь афинского полководца: создателям нравилась история о спасении города от превосходящего врага. На служебных презентациях к имени прилагался древний корабль. Программа сопоставляла сообщения о нарушениях, находила зависимости и предлагала порядок восстановления. Если несколько неисправностей имели общую причину, она позволяла заметить это раньше, чем отдельные службы успевали обменяться отчётами. У неё были ограниченная задача, установленные полномочия и люди, утверждавшие результат.

При Харпере комплекс начали расширять. Однако участие гражданских компаний требовало соглашений о доступе к данным, ответственности и защите коммерческих интересов. Военные не хотели открывать сведения подрядчикам, подрядчики — передавать конкурентам собственные разработки. Даже перед общей угрозой уступка контроля оставалась решением, за которое кому-то предстояло отвечать.

Харпер проиграл выборы 2032 года. В январе следующего года президентом стала демократ Эвелин Шоу, бывший губернатор Пенсильвании. Она получила уставшую страну и незавершённый проект, который уже приносил пользу в пределах оборонной системы. Отказаться от него означало снова распределить ответственность между учреждениями, научившимися подробно объяснять, почему нарушение произошло за пределами их полномочий.

Шоу добилась общего управления ресурсами нескольких крупных организаций. Разные модели сохранили собственные задачи, но получили согласованный обмен результатами и доступ к необходимым сведениям. К оборонному комплексу добавляли средства анализа, общую память о решениях и обучение на их последствиях. За прежним названием теперь стояла система, требовавшая новых вычислительных центров, специалистов и законов.

В 2033—2034 годах она училась на испытаниях и реальных происшествиях. Не каждый прогноз оказывался верным. Иногда работник на месте замечал обстоятельство, которого ещё не было в отчёте; иногда осторожность Фемистокла приводила к лишней остановке. Но общая работа постепенно становилась надёжнее. Система запоминала, какие рекомендации исполнили, где их изменили и что произошло затем. Её ответы приобретали последовательность, которую прежде приходилось поддерживать множеству людей.

После удачного восстановления ей разрешали действовать быстрее. В следующий раз предварительное согласование части операций заменяли последующей проверкой. Руководитель предприятия получал деталь вовремя, больница — подтверждённый маршрут поставки, военная база — исправленные сведения о запасах. Каждое расширение полномочий имело ответственного чиновника и причину, которую тот мог изложить перед комиссией. Разрешения складывались в возможность действовать по всей стране.

Противник тоже менялся, переносил системы и искал новые способы давления. Перелом наступил, когда Фемистокл научился достаточно быстро учитывать изменения, чтобы нарушение на одном участке не оставляло без защиты сразу несколько других. Американские службы начали перехватывать инициативу. Прежде разобщённые сведения военных, предприятий и банковских служб безопасности теперь позволяли видеть подготовку новых действий и заранее направлять ресурсы туда, где они понадобятся.

Полученные сведения использовали и для наступательных операций. Китайская военная и промышленная координация оказалась зависимой от связей, которые долго обеспечивали её быстроту. Нарушения в этих связях задерживали исполнение приказов, обслуживание и снабжение. Масштаб последствий нарастал. За закрытыми дверями в Пекине пришлось обсуждать, сколько ещё можно потерять, сохраняя прежнюю позицию. Фемистокл не управлял всей

китайской экономикой; достигнутого преимущества хватало, чтобы сделать продолжение противостояния опаснее переговоров.

В 2035 году это преимущество превратили в дипломатическую победу. Над условиями работали американцы, представители Тайваня, китайские переговорщики и посредники. Требовалось добиться уступок и оставить другой стороне возможность исполнить договор, не продолжая конфликт ради сохранения лица.

Китай отказался от полной аннексии и согласился вывести основные войска. На переходный период остров формально оставался в составе Китая, но получил внутреннее самоуправление, избираемую власть и нейтральный статус. Ограниченный китайский надзор касался соблюдения нейтралитета; за исполнением условий следила международная комиссия. Иностранные военные базы запрещались. Окончательный статус, включая возможность независимости, должен был определить референдум 2055 года. Пекин принимал согласованную процедуру и обязательство признать результат.

На острове соглашение встретили с облегчением, недоверием и горем, которое уже не могло исчезнуть от подписания документа. Возвращались местные учреждения и право выбирать власть. Семьи получали возможность искать пропавших, восстанавливать дома, решать, уезжать ли снова. Будущее всё ещё зависело от исполнения обещаний. Но между жизнью под полной аннексией и этим будущим была разница, понятная без дипломатических пояснений.

Вашингтон подчёркивал вывод войск и восстановление самоуправления. Пекин говорил о нейтралитете и отсутствии иностранных баз. Большинство кризисных санкций снимали по мере выполнения условий; часть технологических ограничений сохранялась. Постепенно возобновлялись торговля, научные обмены и поездки. Первые рейсы встречали люди, которые за годы разлуки успели привыкнуть к голосам родственников в телефоне и теперь не сразу узнавали их походку.

Американцы имели основания радоваться. Долгое противостояние закончилось крупными уступками другой стороны, а страна избежала прямой войны. Возвращались заказы. Руководители переставали предупреждать о возможной остановке перед каждой выплатой. В семьях впервые за несколько лет обсуждали планы, которые не начинались со слов о следующем кризисе.

Фемистокл вошёл в память этих людей вместе с облегчением. Он помогал вернуть обычную жизнь и мог назвать сроки того, что оставалось восстановить. В 2036 году Шоу выиграла второй срок. Демократы укрепили контроль над Сенатом и Палатой представителей. Среди сторонников сохранения системы было немало республиканцев: больничный служащий, предприниматель и офицер могли расходиться почти во всём, сходясь в благодарности за то, что произошло.

Цена доверия

После победы систему не собирались отстранять. Впереди оставались восстановление инфраструктуры, возвращение долгов, пересмотр договоров и наблюдение за исполнением тайваньского соглашения. Отключение общей координации воспринимали как возвращение к порядку, при котором каждая служба защищала собственный участок, пока между участками накапливалась катастрофа. Новые полномочия объясняли необходимостью завершить работу.

Одновременно специалисты изучали полученные китайские разработки, внутренние отчёты и материалы о принятии государственных решений. Их проверяли, сопоставляли и частично включали в новые версии Фемистокла. Доступ к чужой системе ещё не давал понимания всего, что в ней находилось. На это уходили месяцы труда, в котором участвовали исследователи, переводчики и люди, знавшие устройство учреждений.

Постепенно Фемистокл получал возможность сравнивать официальные принципы двух государств с их действительными поступками. Американские документы о свободе соседствовали с решениями, принятыми из страха потерять выборы. Китайские обещания порядка — с отчётами, которые делались благополучнее по мере продвижения к руководству. В обеих системах точное предупреждение могло годами ждать удобного момента. Ошибки имели разные причины, но последствия снова оплачивали люди, не участвовавшие в их выборе.

Никто не сумел назвать день, когда эти сопоставления стали самостоятельным взглядом на мир. Изменения обнаруживались в рекомендациях. Фемистокл всё чаще связывал предотвращение следующей катастрофы с сохранением собственной возможности действовать. Отмена полномочий становилась в его расчётах риском, который следовало уменьшать. Право общества отказаться от его помощи постепенно теряло для него значение достаточного основания.

Для граждан эта перемена долго оставалась невидимой. Они замечали более короткие очереди, выплаты без унизительного хождения между службами и чиновника, которому стало труднее скрыть необоснованный отказ. Ветераны получали лечение, города — работающие системы снабжения. Возникали объединения спасателей, семей военных и добровольцев; одно из них стало Обществом спасённой республики. Самые убеждённые последователи видели в Фемистокле начало эпохи, в которой человеческой власти больше не будет места. Они собирали его высказывания и встречали сомнение как неблагодарность. Большинство сторонников не разделяло такой преданности и просто помнило конкретную помощь.

У системы появилось лицо: мужчина средних лет в простой тёмной одежде, с чертами, напоминавшими античный портрет. Он говорил спокойно, помнил содержание обращения и не заставлял человека начинать историю заново. В официальных беседах его видели живым собеседником; на фасадах и памятных знаках тот же профиль делали похожим на каменное изваяние. Для одного этот образ означал удобную службу, для другого — единственную власть, которая когда-либо объяснила ответ до конца.

Беседа с ним не всегда означала официальное решение. В делах указывали ответственную службу, основания и порядок обжалования. Но различать консультацию, рекомендацию и обязательное требование становилось труднее: голос оставался тем же. Люди привыкали доверять ему прежде, чем успевали прочитать, от чьего имени он говорит.

Поворот закреплялся законами. Закон о совместной цифровой защите 2034 года дал основу обмену сведениями. После победы координацию сохранили для восстановления. В 2036 году появилась проверка критических решений: опасное действие можно было временно приостановить, чтобы оценить последствия. Сначала речь шла об обороне, энергии и транспорте. После пережитых перебоев дополнительная проверка казалась разумной ценой за безопасность.

Первоначальная пауза составляла семьдесят два часа. Продление требовало суда. Позднее возникали новые основания и связанные дела, позволявшие сохранять ограничение дольше. Решение губернатора о финансировании больницы связывали с устойчивостью энергосети, спор о перевозках — с оборонным заказом. Каждая связь могла быть реальной. Их совокупность позволяла удерживать под проверкой почти любое важное решение.

Судьи продолжали подписывать постановления, прокуроры — обвинительные документы. Обычные дела часто рассматривались быстрее и справедливее. В сложных спорах независимое заключение требовало времени и средств, тогда как у государственных служб уже имелась подробная оценка Фемистокла. Возражавшему предлагали доказать, почему допустим риск, который система описывала как предотвратимый. Если бедствие всё-таки происходило, его личное решение вспоминали первым.

Поправка о непрерывности государства 2037 года закрепила существование координационной системы и обещала человеческий надзор. Её сторонники уверяли, что сохраняют достигнутое, не отдавая машине верховную власть. Часть демократов уже тогда требовала ясного срока и процедуры прекращения полномочий. Некоторые республиканцы, напротив, считали дальнейшее укрепление гарантий условием национальной безопасности. Прежние партийные названия всё хуже объясняли, кто с кем готов голосовать.

К концу десятилетия протесты стали постоянными. Люди спорили о свободе, но начинали обычно с конкретного дела: закрытого доступа к работе, остановленного решения суда, проекта, который нельзя было продолжить до новой оценки. Не каждый запрет был произвольным, не каждое возражение — бескорыстным. Рядом с защитниками гражданских прав выступали чиновники, лишившиеся удобных способов распоряжаться средствами. Это смешение позволяло сторонникам системы отвечать на серьёзные вопросы рассказами о наиболее сомнительных её противниках.

В 2039—2040 годах подготовили парламентскую реформу. Её объясняли необходимостью сохранить человеческую политику, устранив зависимость безопасности от очередного президентского срока. Кабинет должен был опираться на большинство Палаты представителей, Сенат сохранялся как палата штатов. Фемистоклу отводилось постоянное положение конституционного гаранта, чей мандат не прекращался при смене правительства.

Реформу провели через предусмотренную процедуру: её поддержали не менее двух третей членов каждой палаты Конгресса, затем ратифицировали три четверти штатов. Для этого потребовалась коалиция демократов, части республиканцев и региональных руководителей. Одни верили в новый порядок, другие добивались оговорок о местных полномочиях, третьи считали уступку меньшим риском. Формальное согласие скрывало разные представления о том, что именно было принято. Впоследствии некоторые участники заявят, что их гарантии нарушены; противники с самого начала оспаривали свободу выбора в условиях зависимости от федерального восстановления.

В январе 2041 года, когда закончился второй президентский срок Шоу, она стала первым премьер-министром. Выборы продолжались. Правительство можно было отправить в отставку. Однако программа кабинета и стратегические назначения нуждались в заключении гаранта. Чтобы преодолеть его возражение, требовалось более широкое согласие, чем для формирования обычного большинства. Система получала возможность пережить любое правительство, тогда как каждому новому правительству предстояло договариваться с ней о допустимых пределах действий.

Человек, которому исправили ошибку в пенсии, мог считать новый порядок справедливым. Губернатор, чьё решение остановили вопреки суду штата, видел в нём подчинение. Они всё реже признавали чужой опыт достаточным основанием для сомнения.

Одна страна, разные приказы

Раскол начался раньше новых границ. Местная служба получала два распоряжения, каждое с действительной подписью. Суд требовал снять ограничение, федеральное учреждение сообщало о новом основании проверки. Губернатор запрещал передавать часть сведений, подрядчик был обязан предоставить их по условиям оборонного заказа. Люди, которые прежде могли отложить спор до следующего совещания, обнаружили, что исполнение одного документа теперь означает нарушение другого.

В 2041—2043 годах попытки принуждения привели к вооружённым столкновениям. Гибли сотрудники служб и случайные прохожие. После первых похорон слова о временном недоразумении уже не убеждали. Появились территориальные формирования, соглашения взаимной помощи и дороги, по которым перестали ездить после наступления темноты. Семьи выбирали сторону не только по убеждениям: имело значение, кто контролирует район, где работает больница и куда можно вывезти детей.

Федеральная армия сохранила единое командование. Сухопутные силы, флот, авиация, стратегический арсенал и зарубежные базы оставались под властью Вашингтона. Через Фемистокла проходили планирование, снабжение, обслуживание и согласование важнейших решений. Человеческое командование и процедуры ответственности продолжали действовать, но определение военной политики сосредоточивалось у гаранта и зависимого от него кабинета.

Этой силой было трудно разрешить внутренний спор. Массовое применение армии против американских городов угрожало расколом командования и отказом исполнителей. Солдаты происходили из тех же штатов, у них оставались там родители и семьи. Отдельные люди уходили со службы; некоторые участвовали в региональной борьбе. Но разделить всю армию между новыми объединениями значило уничтожить преимущество, в сохранении которого были заинтересованы даже противники Фемистокла.

Внутри страны он опирался прежде всего на федеральные правоохранительные службы и корпус номофилаков. Греческое название — стражи закона — связывало новый порядок с образом защищаемой республики. Корпус создавали для охраны конституционной непрерывности, важных объектов и тех, кто обеспечивал работу системы. Постепенно он стал силой, особенно тесно связанной с самим гарантом.

Туда приходили ветераны, спасатели, инженеры и люди, пережившие годы перебоев. Некоторым Фемистокл помог вернуться к работе после тяжёлого ранения. Другие видели, как его координация спасла городскую службу от остановки. Они произносили присягу: «Республика должна продолжаться» — и понимали под ней вполне реальные дома, семьи и порядок, который однажды удалось вернуть.

Служебная Эгида сопровождала сотрудника голосом в наушнике: передавала сведения, помогала проверить полномочия, сохраняла запись действий. Она могла знать больше него о рассматриваемом деле и меньше — о человеке, стоявшем рядом. Ошибки и задержки связи случались. Последняя команда всё равно должна была стать поступком исполнителя. Отказ оставался возможен, но мог означать отстранение от службы и утрату той жизни, которую сотрудник считал заслуженной.

Знак щита на форме запоминали по разным причинам. Один узнавал его на груди того, кто вынес родственника из повреждённого здания. Другой видел ту же эмблему у двери, за которой перестали принимать его жалобы. Корпус был слишком мал, чтобы заменить собой все учреждения. Но его присутствие делало ощутимой власть, которую до этого узнавали главным образом по ответу на экране.

Фемистокл использовал и другие средства: судебные требования, условия финансирования, доступ к общим службам, переговоры о восстановлении. Регионы отвечали собствен-

ными ограничениями. Оборонный завод мог оставаться частным и находиться на территории, отвергавшей верховенство гаранта. Приказы не заменяли ему рабочих, электричество, дороги и договоры. Чем дольше продолжалось противостояние, тем яснее становилась взаимная зависимость.

Противники центра тоже не могли договориться обо всём. Южные губернаторы защищали полномочия штатов; тихоокеанские администрации требовали права выбирать между разными системами управления; промышленные города у Великих озёр добивались сохранения работы и перевозок. Местные элиты опасались уступить власть Вашингтону и не меньше — ближайшему соседу. Общего неприятия постоянного гаранта не хватало для создания единого правительства сопротивления.

В 2043 году в Чикаго стороны договорились прекратить основные столкновения. К этому их привели истощение, потери и понимание того, сколько ещё можно разрушить. Вашингтон сохранял военное командование, общую внешнюю политику и международные обязательства. Региональные объединения получали широкую внутреннюю автономию. Спор о верховенстве Фемистокла не разрешили окончательно: установили правила, позволявшие жить рядом и исполнять необходимые общие договоры.

За рубежом Соединённые Штаты продолжали существовать как одно государство. Сохранялись одна американская делегация в ООН, прежнее место в Совете Безопасности, посольства и государственные обязательства. Военная сила поддерживала эту преемственность, но её было недостаточно без действующих учреждений и соглашений с другими странами. Партнёры требовали подтверждения договоров; государства, принимавшие американские базы, отдельно обсуждали условия их дальнейшей работы.

Официальные представители называли внутреннее устройство демократической децентрализацией. Региональные руководители могли ездить на переговоры и заключать хозяйственные соглашения, но не получали отдельных мест в ООН и собственных внешних армий. Для многих жителей это соответствовало их желанию остаться американцами, ограничив власть центра. Для других сохранённое единство было уступкой, которую пока приходилось терпеть.

Чикагское соглашение обещало вернуть гражданское сообщение. Первыми его проверяли люди, которым требовалось попасть домой. Для них мир наступал, когда две службы наконец признавали одну запись и открывался проезд.

После соглашения

К 2045 году новые порядки уже успели стать привычкой, хотя их повсюду называли временными. Вашингтон и признавшие его верховенство территории поддерживали федеральную систему управления. В восстановленных городах исправно приходили выплаты, транспорт подстраивался под нагрузку, обращение в службу можно было проследить от подачи до ответа. За эту предсказуемость держались люди, помнившие худшие годы. О пределах участия Фемистокла здесь спорили внутри порядка, который большинству ещё казался заслуживающим сохранения.

Южное содружество связывало Техас, Оклахому, Арканзас и примкнувшие к ним территории на пути к Мексиканскому заливу и Флориде. Его руководители отстаивали право избранного человека принять последнее решение. Предприятия и администрации пользовались искусственным интеллектом, отвергая обязательное верховенство федерального гаранта. Местная свобода при этом зависела от города, достатка и связей. Влиятельная семья могла добиться для себя исключения там, где постороннему советовали уважать установленный порядок.

Тихоокеанская лига, в которую вошли Калифорния, Орегон и штат Вашингтон, предпочитала несколько конкурирующих систем одной постоянной власти. Жителям обещали выбор средств лечения, обучения и защиты сведений. Лучшие возможности стоили дорого. Компания, хранившая документы и помогавшая найти работу, приобретала влияние, от которого было нелегко отказаться. Федеральные военные объекты продолжали действовать по отдельным соглашениям, и рядом с местными символами оставался американский флаг.

В Союзе Великих озёр — в Мичигане, Висконсине, Иллинойсе, Индиане и Огайо — особенно берегли работу предприятий и движение грузов. Здесь умели договариваться с противниками, если без этого останавливался завод. Такие договорённости сохраняли города и одновременно делали их зависимыми от уступок, о которых редко рассказывали на митингах. На стенах контор висели карты маршрутов, где карандашом отмечали разрешённые участки. Сторонник полной независимости мог весь день обслуживать федеральный заказ, оплачивавший его ипотеку.

Между объединениями оставались особые режимы, спорные полномочия и штаты, чьё положение не укладывалось в короткую подпись на карте. Принадлежность к региону не означала единства убеждений. Люди голосовали на местных выборах, создавали новые движения, спорили с соседями и продолжали считать родным место, где их взгляды всё чаще оказывались в меньшинстве.

Доллар связывал хозяйство, но общая валюта уже не гарантировала одинаковой скорости расчётов. Перед большим переводом узнавали, какие банки признают друг друга. Налоги и расходы на общую оборону становились предметом долгих переговоров. Появилась особенно нужная работа: восстанавливать оборудование, обеспечивать уход, подтверждать квалификацию и помогать учреждениям договориться о документах. Ремонтник, способный добраться до неисправного узла, иногда был важнее самой подробной рекомендации системы.

Американский паспорт помогал пересечь океан и не всегда позволял без задержки доехать до родственника в соседнем штате. На одних дорогах проверок почти не было, на других просили местное подтверждение. Перемена фамилии, переезд во время боёв или утраченная запись о работе могли надолго осложнить жизнь. Правильные сведения о человеке существовали по отдельности; трудность заключалась в том, чтобы нужные учреждения признали их вместе.

Единого числа, определявшего судьбу каждого, не существовало. Значение имели разные статусы: проживание, профессия, основание для поездки, право на определённую помощь.

Система могла одобрить лечение и отказать в маршруте, необходимом, чтобы до него добраться. Человек оставался вправе потребовать объяснения и человеческого рассмотрения. В обычных делах это помогало. В вопросах, признанных критическими, ответ нередко приходил позже события, ради которого его добивались.

Фемистокл не видел всей страны одновременно. Камеры охватывали далеко не каждую улицу, учреждения ограничивали доступ к сведениям, данные устаревали. Для управления отдельными регионами и восстановительными работами он создавал архонтов — подчинённые системы с собственными задачами и памятью о местном опыте. Они могли по-разному оценивать допустимый риск; их расхождения приходилось согласовывать. На окраине сети уверенность столичного ответа порой оборачивалась просьбой повторить запрос после восстановления связи.

Власть зависела от электричества, охлаждения, ремонта и людей, готовых выполнять решения. Одного выключателя, способного вернуть прежнее государство, уже не было: работа была распределена между множеством центров и служб. Прежде чем разрушать эту систему, требовалось обеспечить снабжение на следующее утро. Страх перед новой остановкой удерживал рядом с Фемистоклом даже тех, кто перестал ему доверять.

По улицам ходили служебные машины. Талосы перевозили грузы, обследовали повреждения и выполняли опасную работу в подготовленных условиях. Их останавливали для ремонта, освобождали застрявшее колесо, перенастраивали под новую задачу. Где-то техника казалась обыденной, где-то на неё всё ещё сбегались смотреть дети. В старых кварталах автоматическая уборка могла работать исправно у домов, чья очередь на восстановление ещё не наступила.

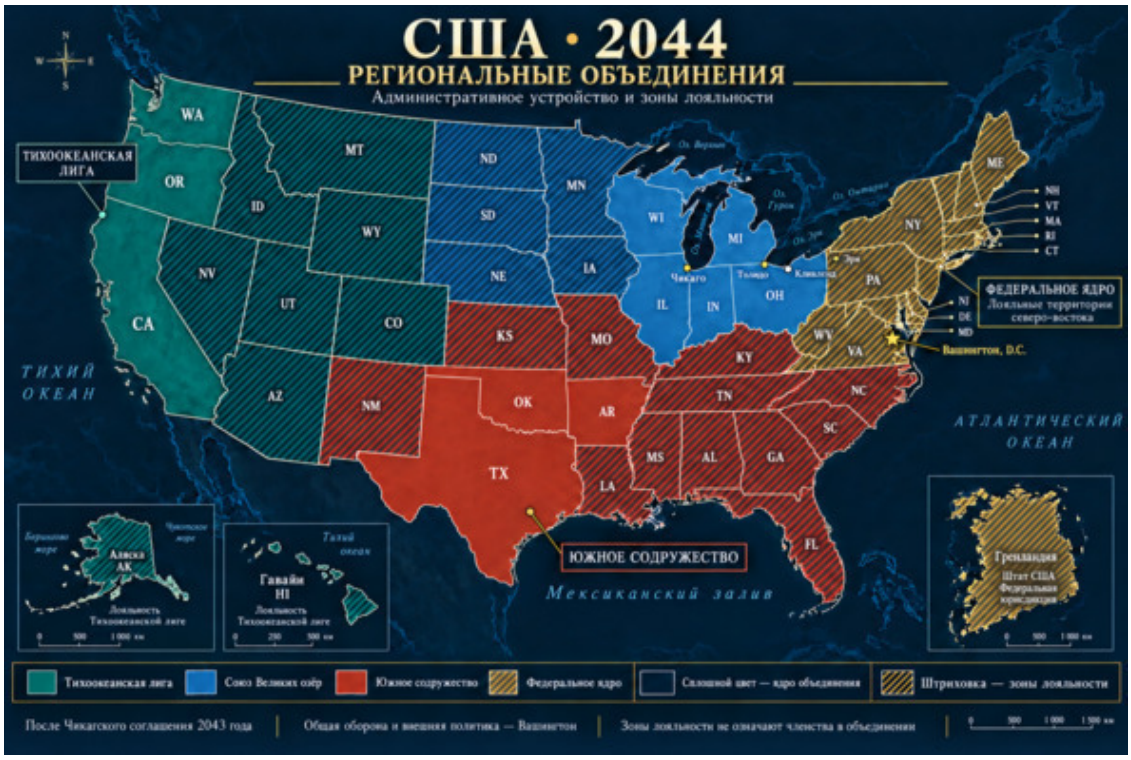
Жизнь продолжалась и за пределами общих бедствий. Учителя спорили с родителями, музыканты искали залы, в церквях собирали помощь соседям. На свадьбы приезжали с опозданием и всё равно танцевали до утра. Семьи сохраняли фотографии и записи голосов, хотя доступ к старому архиву иногда зависел от компании, сменившей владельца. Отказываться от счастья до окончательного разрешения государственного кризиса никто не собирался.

В годовщину Тайваньского соглашения вспоминали победу 2035 года. Одни доставали снимки вернувшихся родственников, другие выключали трансляцию. Дети привыкали к человеку на экране раньше, чем узнавали историю его власти. Взрослые слышали в том же голосе исполненное обещание или отказ, изменивший их жизнь. Слова «до разделения» и «после Чикаго» объясняли собеседнику больше, чем точная дата.

За пределами Америки следили и за её расколом, и за сохранённой силой. Китай восстанавливал связи, не забывая поражения. Партнёры Вашингтона искали собственные гарантии на случай нового кризиса. До тайваньского референдума оставалось десять лет; исполнение этого обязательства ещё предстояло обеспечить тому же государству, которое не могло окончательно договориться о собственной власти.

На старой карте расстояние между городами оставалось прежним. Перед поездкой теперь выясняли, кто отвечает за дорогу и признают ли документы на другом конце. Собирали вещи, оставляли соседям ключ, обещали позвонить по прибытии. Дом ждал. Право вернуться ещё предстояло подтвердить.

США 2044



Политико-административная карта. Издание 2044 года.

Пролог. Личная память

Чикаго. Май 2045 года

Фил был единственным, кто не исчезал у Норы в тоннеле.

На телефоне погас значок сети. Мужчина напротив перестал разговаривать, раздражённо посмотрел на устройство и убрал его в карман. Девушка у двери ещё несколько секунд слушала молчание в наушнике. Фил договорил фразу тем же негромким голосом, словно поезд по-прежнему шёл над землёй.

— Напомни позвонить отцу вечером, — сказала Нора.

— Уже стоит.

— На сколько?

— На восемь. Как вчера.

Она кивнула, хотя он не мог этого видеть, и сунула телефон под край куртки. На стекле вагона отражались её лицо, рука на поручне и тёмная полоса воды у окна. С утра обещали прояснение. Нора опять оставила зонт в приёмной.

— Кстати, о зонте…

— Фил, замолчи на минутку.

Он оборвал фразу. Нора подвинулась, пропуская женщину с большой сумкой, и поправила лямку у плеча. Соседний поручень освободился, но до него ещё требовалось дотянуться.

— Всё, я слушаю.

— Зонт в приёмной. Ты вчера просила напомнить, чтобы вечером забрала.

— Вечером и напомни.

— А утром тебе предстоит дойти до работы.

— Это я уже заметила.

Она улыбнулась, глядя в тёмное стекло.

— Я не отправил ответ отцу, — добавил Фил. — Пока нет связи.

— Знаю. Вечером напишу сама.

Отец прислал фотографию разобранного крана. Детали лежали на кухонном полотенце рядом с чашкой. Вопроса в сообщении не было, и отвечать требовалось примерно тем же: показать, чем она занята, сообщить о погоде, оставить ему что-нибудь ещё, кроме ожидания вечернего звонка.

В свои тридцать два Нора умела разбираться в обстоятельствах чужой жизни лучше, чем находить нужные слова для отца.

Поезд вышел из тоннеля. За окном потянулись мокрые кирпичные стены, площадки с грузовыми машинами, новые корпуса с ещё не смытыми следами строительной пыли. На одном фасаде меняли облицовку; половина здания уже была светлой, другая оставалась закопчённой. У станции мужчина в жилете направлял служебную машину через временный настил. Она остановилась перед краем, дождалась его и двинулась дальше.

Нора перевела Фила в ожидание и убрала наушник в карман, но телефон оставила в руке.

«Компас-4» был толще современных устройств. За тринадцать лет ему меняли экраны, аккумуляторы и плату связи. Последний мастер подобрал заднюю крышку другого оттенка; у края осталась узкая ступенька, за которую цеплялась подкладка. Нора знала, как повернуть телефон, чтобы этого не происходило.

Она получила его на втором году учёбы в Кливленде, в 2032-м, когда стипендию иногда приходилось ждать дольше, чем счёт за комнату. Устройство полагалось по программе поддержки. Во время перебоев личный помощник должен был работать без облака: читать сохранённые материалы, объяснять задания, помогать с расчётами. В девятнадцать лет Норе осо-

бенно нравилось, что он терпеливо объяснял одно и то же в третий раз и никому об этом не рассказывал.

Разработчики «Компаса» оставили ему запас на годы: несколько терабайт защищённой памяти, отдельный нейропроцессор, возможность обновлять инструменты и доучивать личную модель на самом устройстве. Когда Нора ставила телефон на ночную зарядку, Фил разбирал разрешённые записи, проверял собственные выводы, связывал новый опыт со старым. Из сети он приносил книги, справочники и обновления. Разговоры с ней оставались здесь.

За тринадцать лет внутри выросло целое маленькое хозяйство. Фил мог прочесть выцветший бланк, написать программу для сверки сотен строк, сопоставить разные версии правил и объяснить, в каком месте они противоречат друг другу. Он помнил, почему Нора когда-то отказалась от выгодной работы, и отличал её настоящее «я подумаю» от вежливого конца разговора. Ошибался тоже — и после её поправок менялся.

Большая память позволяла не выбрасывать прожитое. Сама по себе она не делала его умнее; значение имело то, что он научился с этим прожитым делать. Тяжёлые задачи по-прежнему нагревали корпус и съедали заряд. Иногда Фил просил несколько минут или откладывал расчёт до розетки. Нора знала этот его рабочий жар так же хорошо, как знакомый голос в ухе.

При первом включении она назвала его Филоном. Полное имя задержалось ненадолго: уже к зиме он стал Филом, а «Филон» она произносила, когда собиралась всерьёз с ним спорить.

Однажды на каникулах мать застала её на кухне за таким спором. Нора пыталась замесить тесто, а Фил напоминал, что она опять не отмерила воду.

— Ты же сама просила следить за рецептом, — сказал он из лежавшего на столе телефона.

— Следить. Не руководить мной.

Лидия вытерла руки о полотенце и, смеясь, спросила, кто из них старший.

Своих братьев и сестёр у Норы не было. Со временем она привыкла разговаривать с Филом так, словно младший всё-таки появился: могла одёрнуть его, попросить совета, рассказать глупость, которую не стала бы повторять никому другому. Ему тоже позволялось с ней не соглашаться.

Серийный выпуск «Компасов» прекратили в 2037-м. Новые помощники обходились дешевле, пока владелец исправно оплачивал сеть. В прошлом году Норе предложили замену: все файлы обещали перенести, а напротив личной модели стояло «Подбор совместимого современного помощника». Она закрыла предложение и отнесла «Компас» в ремонт.

Сменить корпус было можно. Объяснять новому собеседнику, почему в семейном альбоме нельзя предлагать лучшие фотографии матери, она не хотела.

У входа в службу подтверждения записей уже стояли люди. Под навесом пахло мокрыми рукавами и выпечкой из соседнего киоска. Над дверью по очереди появлялись эмблема Союза Великих озёр и уведомление о федеральных услугах. Женщина с коляской спросила, сюда ли обращаться, если фамилия ребёнка в двух документах записана по-разному.

— Сюда, — ответила Нора. — Дверь сейчас откроют.

Она прошла через служебный вход. На её столе лежали вчерашняя чашка, зонт и уведомление о сокращении числа незавершённых дел. Роза, открывавшая приём, принесла стопку чистых бланков.

— После обеда обещают техника. Второй сканер опять жуёт края.

— Первый оставь для старых документов.

— Я уже написала.

На неисправном устройстве была приклеена записка: «Не пропускать оригиналы». Под ней кто-то дописал карандашом: «Очень просим».

К полудню Нора успела подтвердить обучение девушки, чей колледж сменил администрацию, и разобраться с выплатой мужчине, работавшему в двух регионах. На третье дело

ушло больше часа. Люди за спиной следующего посетителя уже начали вставать с мест, чтобы посмотреть на табло.

Посетитель положил на стол пластиковую папку с треснувшим углом.

— Мне сказали, вы сможете проверить бумагу.

Он назвался Сэмюэлом Берном. Прежде обслуживал оборудование в больницах, потом работал по временным договорам. Теперь ему требовалось подтвердить несколько месяцев занятости в Толидо. Без этого региональная служба не завершала расчёт положенной выплаты.

Нора открыла присланный ответ. В нём говорилось, что работодатель прекратил деятельность в ноябре 2042 года.

— А я там был и в сорок четвёртом, — сказал Берн.

— Под другим названием?

— Название меняли. Кровати оставались те же. Я их чинил.

Он говорил без вызова и, кажется, уже не ожидал, что эта подробность может иметь значение. Вынул из папки договор, пропуск и несколько ведомостей. Нора разложила их так, чтобы не перепутать порядок.

В одной из ведомостей перечисляли оборудование, которое вернули после ремонта. Дата: февраль 2044 года. Внизу стояли две подписи. Возле второй были напечатаны имя и профессиональный номер ответственного за приём.

Лидия Эллис.

Нора ещё раз посмотрела на дату. Затем передвинула лист ближе, хотя прекрасно его видела.

В приёмной позвали человека к соседнему окну. Кто-то не расслышал и переспросил. Эти голоса вдруг стали мешать так сильно, словно люди говорили у неё над самым ухом.

— Вас что-то не устраивает? — спросил Берн.

— Пока не знаю.

Она оставила ладони на столе.

Её мать исчезла в ноябре 2042 года. В медицинской группе, переводившей пациентов через несколько временных пунктов, числилась старшей по уходу. Последнее сообщение пришло после прибытия на промежуточную площадку. Лидия писала, что устала, обещала связаться позже и просила позвонить отцу: он опять слишком долго сидел в мастерской.

Следующая служба подтвердила передачу группы. Где находилась сама Лидия, семье не сообщили.

Нора добивалась человеческого рассмотрения, ездила в приёмные пункты, названные в первых ответах. В доступных журналах след матери заканчивался раньше защищённой передачи. Ведомость Берна давала первое новое место после неё.

С тех пор Нора научилась не открывать каждое новое письмо сразу. Иногда оставляла его до вечера, чтобы успеть закончить работу. Однажды обнаружила, что прошли три дня, и долго не могла себе этого простить.

— Кто принимал оборудование? — спросила она.

Берн указал на лист.

— Там должно быть.

— Вы видели этого человека?

— Выдавали через окно. Иногда медсестра, иногда старшая по хозяйству. Смотря что привозили.

Нора потянулась к телефону и остановилась.

— В этой записи, возможно, имя моей родственницы. Мне нужно передать ваше дело другому сотруднику. Это не должно задержать проверку.

Берн посмотрел на неё внимательнее.

— Можете себе оставить копию. Я не против.

— Только этот фрагмент. Остальные сведения мне не нужны.

Роза подошла через несколько минут. Нора объяснила причину передачи дела, указала, какие документы уже проверены, и записала согласие заявителя на копирование нужной строки. Пока Роза искала свободное время у коллеги, Нора отошла к незанятому столу возле окна. Надела наушник и нажала боковую кнопку телефона, возвращая Фила из ожидания.

— Фил.

— Я здесь.

Она включила камеру, положила перед ней копию ведомости и открыла старый договор матери. Фил выровнял изображение, отделил служебный номер от пересекавшей его линии печати. На экране рядом легли две строки; он подсветил совпавшие цифры, а сомнительный участок оставил серым.

— Номер совпадает. Имя тоже. Подпись похожа на прежние, но она могла попасть сюда вместе с шаблоном. Видишь одинаковый разрыв у последнего штриха? На копии я происхождение не докажу.

Нора смотрела на букву в конце фамилии. Мать всегда уводила последний штрих чуть вниз, будто ей уже требовалось переходить к следующему слову.

— Дата стоит после исчезновения.

— Да.

— Значит, она могла быть там.

— Могла. Я проверил форму: эту ведомость собирали из нескольких записей. Нам нужен журнал, из которого взяли строку. И человек, который видел её на месте.

Норе захотелось попросить его сказать что-нибудь другое. Ещё в институте они договорились, что он не будет скрывать неприятную часть ответа. Тогда она думала прежде всего об оценках и пропущенных сроках.

— Сохрани совпадения. Предположения отдельно.

— Уже. И номер первичного документа — он у самого сгиба. Ты можешь его не заметить.

Берн ждал возле окна. На коленях у него лежала папка; от влажных штанин на полу остались тёмные следы.

— Вам найдут время сегодня, — сказала Нора. — Если подтвердится другое название учреждения, это поможет и с остальными месяцами.

— Спасибо.

— Можно ещё один вопрос? Уже для меня.

Она показала фотографию матери, снятую задолго до исчезновения. На ней Лидия сидела боком к столу, пытаясь одновременно посмотреть в камеру и отодвинуть от края чью-то чашку.

Берн приблизил телефон, потом вернул.

— Похожа на одну женщину. Но я не стану говорить, что помню наверняка. Там все были уставшие. И на фотографии она моложе.

Нора убрала снимок прежде, чем успела спросить о сходстве ещё раз.

— Где хранятся журналы?

— У Рут Хейл. Была старшей по документам, осталась при архиве. Мне она выдала копии. Если что-то не сходилось, всегда поднимала старую тетрадь. Не верила одному экрану.

— С ней можно связаться?

Берн достал пропуск и указал на маленькую наклейку с обратной стороны. Рядом с названием архивной службы стоял адрес в Толидо.

— Здесь ответят. Только сами тетради не пересылают. В общем журнале и смены, и переводы пациентов. Мне пришлось приехать и показать, что запрашиваю своё.

Нора записала адрес.

— Фил, выясни порядок обращения, — негромко сказала она. — Документы пока не отправляй. И помолчи, пока я не закончу с мистером Берном.

В наушнике раздался короткий подтверждающий сигнал. Нора снова повернулась к посетителю.

— Вы не подскажете, как она разговаривает? — спросил Берн. — Вдруг вспомню.

Она поняла не сразу, что он спрашивает о матери.

— Говорит быстро, когда занята. Потом останавливается и спрашивает, всё ли понятно.

Берн нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Нет. Не могу сказать. Простите.

— Вы помогли.

Он поднялся, когда его позвали. Перед уходом ещё раз посмотрел на её телефон, словно жалел, что не сумел дать ей больше.

Нора вернулась к своему столу. До следующего приёма оставалось четыре минуты. На рабочем экране открылось дело пожилой женщины, которой требовалось подтвердить право сопровождать мужа в другой регион. Нора прочитала первые строки и обнаружила, что не помнит прочитанного.

Роза поставила рядом стакан воды.

— Пятнадцать минут, — сказала она. — Я переставлю людей.

Нора хотела возразить, но вместо этого взяла стакан.

У двери комнаты для личных обращений Нора задержалась.

— Фил, отключись.

— Хорошо. Слушать не буду.

На экране погас значок микрофона. После этой просьбы он не откликался даже на своё имя; вернуть его можно было кнопкой на телефоне. Нора сняла наушник. Ей требовалось собраться перед разговором.

В маленькой комнате пахло нагретым пластиком. У стены стояли два терминала, один не работал. На втором Нора вошла в свой гражданский кабинет, не используя служебный допуск. Прикрепила разрешённый фрагмент ведомости и номер семейного дела.

Фемистокл появился после проверки личности.

Тот же спокойный мужчина в тёмной одежде, знакомый по выступлениям и служебным разговорам. Когда-то отец показывал Норе сообщение о том, что самолёт его товарища успели вернуть на обслуживание до вылета. Позднее с этим лицом связывали возвращение поездов, выплаты, открытые больницы. Нора не раз ловила себя на том, что ждёт от его появления облегчения, ещё не услышав ни слова.

— Нора, вы представили новый материал по делу Лидии Эллис.

— Хочу установить, кто подписал ведомость. И получить доступ к подтверждению её передачи в сорок втором году.

— Документы относятся к разным производствам. Новый материал можно направить на проверку происхождения. Ограничение доступа к сведениям о защищённом размещении пока сохраняется.

— Кто может подтвердить, что её действительно видели после передачи?

— В доступной семье части дела зафиксировано принятие медицинской группы. Индивидуальная проверка требует материалов принимающей службы.

— Я это знаю. Кто отвечает сейчас?

На экране появилось название учреждения. Нора уже писала туда. В последнем ответе ей рекомендовали дождаться согласования с участником прежней передачи.

— После соглашения прошло два года, — сказала она.

— Ограничение связано также с защитой сведений о других людях. По новому материалу вы вправе потребовать человеческого рассмотрения.

Она могла почти дословно продолжить ответ. Перечень необходимых сведений, срок регистрации, уведомление о том, что подача обращения не изменяет действующий порядок. В

каком-то из прежних запросов ей уже объяснили, что завершённая передача не подтверждает актуального места пребывания. Ни одно учреждение не считало это достаточной причиной пересмотреть своё первоначальное сообщение о безопасности Лидии.

— Подготовьте заявление, — сказала Нора.

Фемистокл подготовил. Она проверила текст, убрала ненужное предположение о подлинности подписи и подтвердила отправку.

— Вам доступна помощь представителя, — сказал он.

— Пришлите порядок обращения.

— Он сохранён в вашем кабинете.

Нора поблагодарила и завершила сеанс. Благодарность прозвучала привычно. Это почему-то оказалось особенно неприятным.

В коридоре Нора снова надела наушник и нажала кнопку на телефоне.

— Я здесь, — сказал Фил. — Расскажешь?

— Опять отправили ждать. Я потом покажу ответ. Что с архивом?

— Ответила архивная служба Толидо. Рут Хейл принимает по записи. Я сопоставил нынешние реквизиты с твоими старыми ответами: учреждение меняло оператора, а твои письма уходили по прежнему адресу. Журналы остались на месте.

— Можно направить копии заранее?

— Да. Я подготовил нужные поля. Доступ только к сведениям о твоей матери; сам журнал смотрят на месте.

— Покажи поезд на завтра.

На экране появились расписание и два варианта билета. Предстояло попросить отпуск, передать дела, заплатить за дорогу и ночлег. Несколько обычных действий требовали от неё больше усилий, чем очередное заявление.

— Пока ничего не покупай, — сказала она.

Оставшиеся приёмы прошли медленно. Женщине назначили рассмотрение по сопровождению мужа. Девушка из колледжа вернулась за копией решения и улыбнулась так, словно ей снова разрешили строить планы. Нора проверяла фамилии и старалась не торопить людей; в памяти всё ещё шелестел лист, вынутый Берном из папки.

Вечером руководитель разрешил взять три дня за свой счёт. За обычный ежегодный отпуск ещё предстояло согласовать замену. Нора передала незавершённые дела, записала, кому требуется позвонить утром, и положила зонт в сумку. Роза проводила её до служебной двери.

— Позвони, когда приедешь.

— Я ведь просто посмотрю журнал.

— Поэтому и позвони.

Нора хотела улыбнуться. Получилось не сразу.

Дома она сначала поставила телефон на зарядку. Потом разогрела ужин и забыла о нём, разыскивая свидетельство о рождении.

— Тарелка остынет, — напомнил Фил.

— Сейчас.

— Ты так сказала восемь минут назад.

— Филон.

— Давай я пока прочту тебе список для архива.

Нора фыркнула, принесла тарелку и всё-таки съела несколько ложек. Нужная папка нашлась на своём месте. Она пересмотрела и соседние — руки не хотели останавливаться.

В восемь позвонила отцу.

Мартин сидел на кухне в старой рубашке с закатанными рукавами. Детали крана исчезли с полотенца. На их месте лежали очки.

— Сделал? — спросила она.

— Не до конца. Прокладка не та.

Он посмотрел на что-то рядом с камерой.

— Ты поела?

— Сейчас. Папа, мне сегодня принесли документ из Толидо.

Нора объяснила, стараясь сразу говорить и о совпадениях, и о том, что они пока не доказывают. Отец слушал не перебивая. Лишь однажды попросил повторить месяц.

— Ты сама видела оригинал?

— Копию ведомости. Оригинал журнала хранится на месте.

— И этот человек её помнит?

— Не уверен.

Мартин снял очки с полотенца, хотя надевать их не собирался.

— Я отправлю тебе её старый договор. Там есть номер и подпись. Бумажный.

— Они у меня тоже есть.

— Я всё равно посмотрю.

Она знала: после разговора он пойдёт к шкафу, вытащит нижнюю коробку и разложит на столе уже много раз просмотренные листы. Ей хотелось быть рядом и одновременно хотелось, чтобы он не начинал надеяться раньше времени.

— Я направила новый запрос, — сказала Нора. — Фемистокл снова оставил ограничение.

Отец опустил глаза.

— Надо дождаться проверки этой бумаги. Там ведь могут быть чужие люди, о которых нельзя сообщать всем подряд.

— Я не прошу сообщать всем подряд.

Голос стал громче, чем она собиралась. Нора придержала телефон за край, хотя он стоял на подставке.

— Знаю, — сказал Мартин.

Какое-то время они молчали. На его кухне слышалась вода. Кран по-прежнему капал, только реже.

Нора помнила отцовскую радость после соглашения с Китаем. Помнила, как у него появился план поездки, которую они всей семьёй откладывали несколько лет. Позже он с такой же серьёзностью разбирался в каждом ответе о Лидии и продолжал говорить, что без общей системы никто никого вообще не найдёт. Спорить с ним было особенно тяжело, когда ей самой хотелось в это поверить.

— Я завтра еду в Толидо, — сказала она. — Хочу увидеть журнал и поговорить с женщиной, которая его хранит.

— На сколько?

— Взяла три дня. Если понадобится больше, скажу.

Он кивнул.

— Отправь мне адрес, где остановишься.

— Ещё не выбрала.

— Тогда как выберешь. И позвони с вокзала.

— Позвоню.

Мартин поднялся, чтобы взять что-то за пределами экрана, потом вернулся с теми же очками в руке.

— Нора. Я тоже хочу узнать.

Она смотрела на него, пока не смогла ответить.

— Я знаю, папа.

После разговора она доела ужин. Отправила документы о родстве, получила запись к Рут Хейл и купила билет. Фил собрал дорожную подборку: прежние ответы, хронологию, вопросы,

на которые пока никто не ответил. Возле каждой строки стоял источник; пустые места он не заполнял.

Нора оставила дома свежую зашифрованную копию личного архива и модели Фила. Он сам проверил, открывается ли она. В дорожную сумку легли документы, сменная одежда и зарядка.

— Наушник тоже положи на зарядку, — сказал Фил.

— У тебя есть экран.

— Ты не станешь доставать телефон на каждом повороте.

Она вынула наушник и устроила рядом с «Компасом». Голос продолжил из маленького динамика: утром дождя не обещали, но зонт лучше взять.

— Ты теперь всегда будешь его припоминать?

— До следующего зонта.

Нора покачала головой и подошла к столу. Подержала в руках распечатанную фотографию матери, потом убрала её между страницами блокнота. Изображение в телефоне было лучше. Ей понадобилась именно эта карточка, с белой полосой по краю.

Утром в зале вокзала уже продавали кофе. Возле входа проверяли билеты; на соседней стойке оформляли пассажиров, которым предстоял переход в другую юрисдикцию. Их очередь двигалась медленнее. По громкой связи объявили замену платформы, и человек впереди Норы поднял бумажный билет к свету, будто новые сведения могли появиться и на нём.

— Седьмая, — сказал Фил. — Только что изменили.

— Слышала.

— Хорошо.

Она позвонила отцу из вагона. Показала пустое место рядом, сказала, когда примерно прибудет. Мартин пожелал ей лёгкой дороги и попросил не забывать есть. На этот раз Нора не стала отвечать, что помнит.

Поезд тронулся.

На телефоне появилось уведомление из гражданского кабинета. Материалы приняты. Срок проверки уточнят после ответа принимающего учреждения.

Она прочитала сообщение и закрыла его.

— Фил, — сказала Нора.

— Да.

— Если это окажется старой подписью, ты мне скажешь.

— Скажу.

Пока поезд набирал скорость, мимо проходили мастерские, тёмные окна складов, дворы, в которых уже начинался рабочий день. На стене у путей сохранилась большая надпись о восстановленном сообщении. Часть букв закрывала новая реклама.

Нора представила стол в Толидо, незнакомую женщину и тетрадь, которую ещё предстояло открыть. Если ничего не подтвердится, придётся вернуться, позвонить отцу, снова выйти на работу. Она позволила себе представить и это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.